

С. Л. ФРАНК

Мережковский о «Вехах»

Д. С. Мережковский напечатал в «Речи» свой доклад о сборнике «Вехи», прочитанный им в собрании Религиозно-философского общества. Спор о «Вехах», таким образом, перенесен из маловместительного польского клуба¹ на широкий простор газетной аудитории. Очень жаль, что Мережковский не дополнил в печати своего доклада ответом на те возражения, которые были ему сделаны в собрании Общества. В интересах всестороннего выяснения истины, по принципу «*audiatur et altera pars*»² считаю нужным со своей стороны воспроизвести в существенных чертах замечания, высказанные мною по поводу доклада Мережковского.

* * *

Мережковский стремится доказать «реакционность» направления «Вех». Это доказательство он сам формулирует в следующем силлогизме: «если (с точки зрения «Вех») революция — разрушение, ненависть и отрицание, то реакция — восстановление разрушенного, созидание... если революция — антирелигия, то реакция — религия», ибо «отрицание отрицания — утверждение». Этот силлогизм, который кажется Мережковскому чрезвычайно убедительным, в действительности по своей формально-логической природе тождествен со следующим: если верблюд не есть слон, а противоположность слона есть муха, то, следовательно, верблюд есть муха; или: кто неудовлетворен красным цветом, тот, следовательно, любит черный, ибо черный цвет есть «отрицание» красного. В элементарной логике такая ошибка зовется смешением контрадикторной противоположности, не Допускающей ничего третьего, с противоположностью контрарной, в пределах которой допустимо многое тре-

тье. И именно эта логическая ошибка есть опорная точка всего рассуждения Мережковского.

Но дело, конечно, не в самой логической ошибке, а в ее *психологической причине*. Каким образом такой умный писатель, как Мережковский, мог поддаться такому грубому и элементарному софизму? Причина этого — то сужение духовной перспективы, которое так характерно для нашего интеллигентского миропонимания и которое в необычайно наивной форме усвоил себе Мережковский. Мир представляется ему не во всем многообразии его направлений и даже не как плоскость, а всего лишь — как одна прямая линия, ведущая справа налево и слева направо. Кто уклонился от пути налево, тот, следовательно, идет направо, и наоборот. «Правое» и «левое», «реакция» и «революция» стали как будто единственными категориями нашего мышления, и не диво, что становятся соблазнительными силлогизмы вроде вышеуказанных. Мы, однако, — участники «Вех» — полагаем и стараемся напомнить, что в духовном, как и в пространственном мире, существуют кроме правого и левого еще направления вперед и назад, вверх и вниз; и мы ищем нового пути, который вообще не укладывается в старую привычную линию «справа налево и слева направо». Поэтому, упрекая нас в «реакционности», в движении направо, нас не понимают вдвойне. С одной стороны, на нас клеветают: мы совсем не предпочитаем «левому» «правое», мы не повернули назад по старому пути; мы полагаем, что та торная дорога, которая направо ведет к «Союзу русского народа», а налево — к максимализму, обоими своими концами ведет не на гору, а в болото; и если приглядеться внимательнее, то, пожалуй, окажется, что эти концы приводят к одному и тому же месту, т. е. что правое и левое в своем последнем продолжении упираются в одну точку, замыкая этот свой путь в круг и тем обнаруживая относительность всякой ориентировки направо и налево. С другой стороны, мы, пожалуй, «изменники» в гораздо большей мере, чем то полагают люди, загипнотизированные, как петух меловой чертой, направлением справа налево; ибо мы вообще покинули этот старый путь, ищем выхода вообще не направо и налево, а только *вперед и вверх*, а правое и левое перестали для нас быть первичными критериями. Пусть с нами спорят на нашей почве, пусть нам покажут, что наш путь не вперед и вверх, а назад и вниз; но все возражения с точки зрения мирозерцания, исчерпывающегося одним измерением — линией справа налево, — не могут не только опровергнуть, но даже и задеть нас.

Особенно любопытно и удивительно, что это — даже не «плоское», а «линейное» — мирозерцание претендует у Мережковского на значение *религии*. Если бы возражения такого рода исходили от позитивиста-общественника, они были бы психологически понятны. Но как мог Мережковский усвоить их без оговорок, как мог он проглядеть религиозный мотив, образующий основную тему умонастроения «Вех»? Высказанная в предисловии к «Вехам» общая, объединяющая их участников платформа утверждает *первенство внутренней, духовной основы жизни* над внешними политическими ее формами; при всем разнообразии религиозных воззрений никто не может отрицать, что здесь выражена безусловно первичная аксиома религиозного сознания, религиозного отношения к жизни. Как мог Мережковский, поставивший, по-видимому, своей задачей религиозную миссию среди интеллигенции, не заметить *этого* духа «Вех», который, казалось бы, должен был быть ему близким и родственным, каковы бы ни были его разногласия с участниками «Вех»? Тут начинается самое загадочное для меня в мировоззрении Мережковского. Что означает *для него* религия? К чему она его обязывает и обязывает ли вообще к чему-либо иному, кроме той самой социальной метафизики, которую исповедуют и атеисты? Или, в самом деле, религия есть столь пустая вещь, что ее исповедание состоит в простой подмене слов, что достаточно поставить вместо Маркса — апостола Иоанна, вместо «эрфуртской программы» — апокалипсис и вместо «государства будущего»³ — град «Новый Иерусалим», и дело в шляпе? Неужели религия ничего не изменяет в мироощущении человека, в его оценках, в его личной жизни и общественном действии, и перевоспитание в религиозном направлении сводится к изменению одних словесных терминов, в новой обложке для старой, истрепанной книги, без перемены ее содержания и тенденции? Такой взгляд содержал бы величайшее оскорбление понятия религии, и трудно допустить, чтоб Мережковский серьезно и в глубине души его держался; но действия и слова его как будто говорят это. Участники «Вех», напротив, полагают, что переход от атеизма и нигилизма к религиозному мировоззрению есть глубокий и коренной переворот, чреватый обильными последствиями и зовущий к переоценке всех ценностей: перестройка фундамента должна влечь перестройку самого здания, пересмотр посылок требует изменения выводов. Словом, принятие религиозного мировоззрения ставит обязательную задачу *коренного культурного перевоспитания личности* — и именно эта задача есть центральная идея

«Вех». Иное отношение означало бы не религию, а игру в религию, терминологическую забаву, от которой не остается ни одного живого и плодотворного следа. Одно из двух: или религиозно-философский пересмотр интеллигентского мировоззрения есть вообще вещь ненужная и лишняя, — быть может, как думают иные, лишь плод реакции и утомления, и мы должны всецело остаться при старом, — но тогда пусть Мережковский объявит себя попросту, без оговорок и без мнимомистического жаргона, позитивистом и социал-демократом; или же этот пересмотр нужен и важен, — но в этом случае по существу правда уже на нашей стороне, как бы ни смотреть на частные выводы отдельных участников «Вех». Вот действительная, а не мнимая дилемма, над которой должен размыслить Мережковский.

(Слово. 1909. М 779. 28 апреля (11 мая))

